

18+

ЦИКЛ

ЛЕГЕНДЫ СЕМИ СОЗВЕЗДИЙ

ЛЕГЕНДА О ЗВЕРЕ

СКУДАРНОВА ОЛЬГА

Ольга Скударнова

**Легенда о Звере. Цикл
«Легенды Семи Созвездий»**

«Издательские решения»

Скударнова О.

Легенда о Звере. Цикл «Легенды Семи Созвездий» /
О. Скударнова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-682238-2

Глубоко в лесу, в уединённой хижине, обитает Борен — человек, сломленный горем и отчаянием. Его дни проходят в монотонной работе и борьбе с внутренними демонами. Но покой Борена нарушает возвращение прошлого: браконьеры, охотящиеся за магическими существами, и пробуждение древних сил леса. Встреча с существом из другого мира меняет его, вплетая его судьбу в мистические тайны леса, где борьба с горем переплетается с битвами куда более древними и могущественными.

ISBN 978-5-00-682238-2

© Скударнова О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Легенда о Звере

Цикл «Легенды Семи Созвездий»

Ольга Скударнова

Иллюстратор Ольга Скударнова

Дизайнер обложки Ольга Скударнова

© Ольга Скударнова, 2025

© Ольга Скударнова, иллюстрации, 2025

© Ольга Скударнова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0068-2238-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В глубине леса в ложбине, прижавшись спиной к скале, поросшей вечнозелёным мхом, стоит хижина. Рядом, сквозь корни исполинского дуба-великана, сочится источник – вода в нём искрится едва уловимым серебристым светом даже в полдень. Воздух густой, пропитанный запахом хвои, влажной земли и древней магии. Мало кто решится жить здесь.

Топор Борена взмывал и падал с мёртвым, монотонным стуком. Тук. Тук. Тук. Каждое движение – выверенный механизм, лишённый ярости, лишь тяжёлая необходимость. Поленья, похожие на обломки его мира, раскалывались с сухим треском, разлетаясь щепками, которые тут же впитывала влажная земля. Его спина, широкая и сильная, бугрилась мышцами сквозь пропитанную потом старую льняную рубаху, но в глазах, устремлённых куда-то сквозь древесину, сквозь лес, сквозь время, стояла пустота. Глухая непробиваемая тараном стена.

Тишина леса казалась подавленной. Даже птицы пели как-то приглушённо, будто боясь нарушить тяжёлый покой, висевший над хижиной. Воздух казался густым, как смола, и каждый вздох Борена давался с усилием – глухой, протяжный стон, больше похожий на стон раненого зверя, чем на дыхание человека. Внутри бушевал ураган: ледяное море скорби, под которым тлели угли ярости и пучина отчаяния. Но на поверхности – лишь оцепенение, каменная маска на измождённом лице.

На грубо сколоченном столе, рядом с миской с объедками и ножом, стояла Она. Маленькая фигурка из светлого клёна, вырезанная с любовью и нежным мастерством. Линии платья, изгиб шеи, намёк на улыбку – всё было знакомо до боли. Поверхность статуэтки была отполирована до зеркального блеска бесчисленными прикосновениями больших, грубых пальцев. Это был не предмет – это был алтарь. Алтарь памяти, где горело неугасимое пламя утраты. Единственная ненужная для выживания вещь в этом убежище отчаяния.

Сама хижина – сруб из тёмных, смолистых бревен, прочный как скала, но внутри... Внутри царил беспорядок, тщательно игнорируемый. Пыль лежала толстым слоем на полках, кроме полки на которой обычно стояла статуэтка. Одежда валялась в углу. На гвозде у дверного косяка висел выцветший, тонкий платок с вышитыми незабудками – островок цвета в серости. Он колыхался при сквозняке, как призрак.

У холодного очага стоял второй стул – пустой, неуклюже отставленный в сторону, будто его обительница лишь ненадолго вышла. На него никто не садился.

Лес наблюдал. В чаще, где не дул ветер, шелестели листья. Свет, пробивающийся сквозь непроходимый полог крон, на миг мерцал странным, далеко не солнечным сиянием где-то за спиной Борена. Тишина зверей у кромки поляны была не естественной, а настороженной, словно сама природа затаила дыхание, чувствуя бурю под маской спокойствия этого человека.

Иногда, когда ветер дул с опушки, он приносил отголоски другой жизни. Громкий, пьяный хохот, звяканье железа то ли оружия, то ли инструментов, резкий, болезненный треск – звук ломаемой молодой ветви или вырываемого с корнем растения. Эти звуки вбивались в тишину леса, как нож. Мышцы на спине Борена напрягались вмиг. Пальцы сжимали топориче так, что костяшки белели. Челюсти смыкались. Он замирал на мгновение, огромный и грозный, поворачивая голову в сторону шума. В глазах вспыхивали те самые тлеющие угли ярости. Но потом... потом он снова опускал взгляд на чурбак. Тук. Ещё один вздох-стон. Тук. Он не шел туда. Пока. Его война была с самим собой, с памятью, с пустотой внутри этих стен. Деревенские жители были лишь назойливой мухой на краю его личного ада. Но каждый треск ветки, каждый грубый возглас – это был камень, падающий в темный колодец его терпения.

Закончив колоть дрова, Борен воткнул топор в чурбак с таким усилием, что лезвие глубоко вошло в древесину. Он выпрямился, потянулся, и его взгляд машинально скользнул к тёмному проёму двери хижины. Туда, где на столе, ловя скупой лесной свет, мерцала полированная древесина маленькой фигурки. На миг что-то дрогнуло в его каменном лице – тень, боль, бесконечная усталость. Он отвернулся, будто от ожога или от молнии, вспыхнувшей у самого лица, и потянулся к ведру у источника. Рутинa продолжалась. Лес молча наблюдал.

Глава 2

Холодный вечер вполз в хижину раньше сумерек, бесконечный, тянувшийся ожиданием умиротворения. Борен сидел на стуле у камина, спиной к такому же, только пустовавшему. Огонь плясал за решёткой из ржавого железа, языки пламени – жёлтые, оранжевые, кроваво-красные – лизали чёрные камни, отбрасывая гигантские, беспокойные тени на стены из грубых брёвен. Они прыгали, как демоны, по груде нечищеной посуды, по пыльному платку с незабудками на гвозде. Борен был неподвижен. Каменный истукан, чьи глубоко запавшие глаза отражали лишь трепет огня.

Руки, покрытые старыми шрамами и свежими заусенцами, безвольно лежали на коленях. Взгляд его, казалось, был прикован к хаотичной пляске пламени, пытался найти в ней порядок, смысл, успокоение. Но камин не давал ответов, он лишь напоминал о холоде за стенами, о сырости, пропитавшей воздух до костей. И, как всегда, его взгляд, словно предатель, медленно, неохотно, пополз в сторону стола.

Она стояла на краю грубой доски, в единственном луче света, просочившегося сквозь закопчённое окошко. Фигурка из клёна. Полированная поверхность ловила отблески огня, превращаясь в миниатюрный маяк в полумраке. Борен не хотел смотреть, но пальцы его сами сжались, будто ощущая подушечками знакомую, гладкую теплоту дерева, выточенного его руками. Её образ. Линии платья, изгиб шеи, легкий наклон головы, едва обозначенная улыбка... И в этот миг огонь в камине не просто отразился в его глазах – он разгорелся там, сменив пустоту на золотистое сияние.

Внезапно запахло не дымом и сыростью: повеяло горячим мёдом и пылью. Хижина растворилась. Он находился на упругом, изумрудном ковре луга под стенами родного города. Солнце лилось с бездонного синего неба так ярко, что слепило, было таким теплым, что пропитывало кожу до самых костей. Воздух звенел от жужжания пчёл и трелей жаворонков, взмывающих в высь.

Он сидел не на стуле, а прислонившись спиной к мощному стволу старого вяза, чья тень была прохладным островком в море света. Рядом была Она. Лира. Её голова лежала у него на плече, каштановые волосы, распущенные по ветру, пахли полевыми цветами и чем-то неуловимо сладким – её собственным запахом. Рука поверх его. Пальцы сплетены. Он чувствовал

биение её пульса, тонкое, живое, как трепет крыльев бабочки. Она что-то говорила, смеялась, и звук её смеха был чистым, как родниковая вода, сливаясь с шелестом листвы над головой. Он не слышал слов, только эту музыку счастья, этот безмятежный покой, эту абсолютную уверенность, что так будет всегда – солнце, луг, тень вяза, её тепло, её рука в его руке. Он смотрел не на пламя, а на её лицо, освещённое солнцем, на полуприкрытые ресницы, на лёгкую улыбку, играющую на губах. В груди распирало что-то огромное, светлое, лишённое имени, но сильнее любого заклинания...

Холодная капля.

Она упала ему прямо на темя, ледяная, резкая, как удар ножом. Золотое солнце, вяз, город – всё взорвалось в мириады осколков. Щёлк.

Борен вздрогнул всем телом, словно очнувшись от глубокого обморока. Глаза, ещё секунду назад сиявшие внутренним светом, снова стали пустыми, мертвыми озёрами, лишь тускло отражающими огонь. Он моргнул несколько раз, ощущая жгучую сухость под веками. Ещё одна капля – тук – упала на его плечо, оставив тёмное пятно на грубой ткани. Потом ещё одна – тук – на глиняный пол рядом с ногой.

Он медленно, с трудом, словно каждое движение причиняло боль, поднял голову. В потолке, в углу над пустым стулом, зияло несколько тёмных, мокрых пятен. Сквозь щели в ветхой кровле сочилась вода, собиралась в капли и падала вниз с монотонным, навязчивым тук... тук... тук... Не просто дождь. Стук судьбы. Напоминание. Протечка крыши, ещё одна трещина в его мире, ещё один прорыв внешнего хаоса в его хрупкое убежище скорби.

Он снова посмотрел на статуэтку: полированный клён теперь казался холодным и далёким. Отблески огня на нём были уже не солнечными лучами, а лишь отражением тленного, земного пламени, которое вот-вот могло погаснуть. Тук. Капля упала прямо на пустой стул, расплываясь тёмным пятном на сиденье.

Борен глухо охнул, словно эта капля упала ему на сердце. Он встал, движения его были тяжёлые, лишённые цели. Нужно подставить ведро? Заткнуть дыру соломой? Это требовало усилий. Мысли. А внутри была только ледяная пустота, оставшаяся после яркого, жестокого мига воспоминания, и бесконечный, ненавистный тук... тук... тук... дождя, стиравшего последние следы солнечного луга. Он стоял посреди хижины, огонь освещал его измождённое лицо, а дождь за стенами гудел, как похоронный марш, сливаясь с каплями, пробивающимися в его личный ад. Воспоминания были убежищем, но крыша этого убежища тоже протекала.

Глава 3

Рассвет разбил хижину обломками света.

Борен открыл глаза. Тело ныло. Душа – выжженная пустыня. Одиночество впивалось ледяными когтями. Он лежал на жёстком тюфяке, под грубым одеялом, пропитанным запахом сырости и пепла. Крыша над стулом обвалилась за ночь, оставив на полу груды мокрой соломы и сломанных стропил. И посреди этого хаоса... луч.

Яркий, тёплый, плотный столб солнечного света. Он падал прямо на лицо Борена, пылинки танцевали в его золотистой пыли. Пыль пахла... не плесенью. Воспоминаниями...

– Бо-о-рен! – Голос Лиры, звонкий, как утренние колокольчики, прорезал тишину их солнечной горницы. – Опять твоё лицо – как грозовая туча над Белыми Горами!

Она сидела напротив, подперев щеку рукой, карие глаза смеялись. Солнечные зайчики прыгали в её каштановых волосах. Древний фолиант, распахнутый посередине, терпеливо ожидал порции её внимания, полностью сосредоточенного на задумчивом лице напротив.

– Твоя служба в Западном Оке, – она ткнула пальцем в его нахмуренный лоб, – это же не только мрачные отчёты и подозрительные тени в порту! Это – крылья! Послушай: каждый новый порт – шанс попробовать фрукт, который пахнет луной! Каждая незнакомка на рынке может оказаться высшим духом – смотри только не засматривайся слишком! Каждый странный обычай – ключ к магической загадке, которую не разгадать в наших скучных архивах!

Светлая лёгкая ткань платья колыхнулась, убранные за ухо волосы упали вперёд, нависнув над книгой. Её пальцы коснулись его морщины между бровей. Нежно. Потом губы. Тёплый, лёгкий поцелуй прямо туда, где гнездилась хмурость. И – чудо. Морщина... растаяла. Грусть отступила перед потоком её тепла. Он неуверенно улыбнулся...

...Чирик!

Резкий звук ворвался в хрупкий мир воспоминания. Маленькая, юркая птичка с изумрудным отливом на крыльях метнулась через дыру в крыше. Села на край грубого стола. Головка дёрнулась. Чёрный глаз-бусинка уставился на статуэтку Лиры.

Борен замер. Потом, с глухим стоном, поднялся с тюфяка. Шаг. Ещё шаг. Рука протянулась, чтобы спугнуть нахала, покусившегося на его святыню.

Птичка взметнулась. Запорхнула к потолку. Завертелась, неуловимая...

– Поймай меня, Борен-Унылый! – Лира, хохоча, металась по цветущему лугу, за спиной сжав кулачки. Солнечные блики играли на её легком платье. – Если поймаешь – получишь сокровище!

Он догнал её у старого дуба, обвил руками. Она вся дрожала от смеха, задыхаясь.

– Сдаешься, разбойница?

– Сдаюсь! – Она выдохнула, и вдруг её смех сменился нежной серьезностью. В глазах – глубина лунного колодца. – Держи. – Она разжала ладонь. На тонком кожаном шнурке лежала жемчужина. Не белая. Не розовая. Она переливалась всеми оттенками лунного света и глубинного мрака одновременно, и в её сердцевине пульсировал крошечный огонёк. – Частичка моего Источника, – прошептала Лира, надевая кулон ему на шею. Кожа шнура была теплой от её рук. Жемчужина коснулась груди – и он почувствовал... связь. Тонкую, как паутинка, но неразрывную. Её смех, её дыхание, её спокойное присутствие – где бы он ни был. Драгоценность чародея.

ЩЁЛК. ШУРХ.

Прогнившая солома, задетой крылом улетающей птицы, рухнула с крыши. Прямо в луч солнца. Золотая пыль взметнулась вихрем и осела.

Мир хижины вернулся. Холодный. Реальный.

Борен стоял, опустошенный. Рука машинально потянулась к шее. Пальцы нащупали гладкую, холодную поверхность под одеждой. Жемчужина Лир...

– Это не просто украшение, Борен Солнечный, – её голос стал тише, серьезнее, но в уголках губ танцевали всё те же озорные искорки. – Это мост. Частица моего Источника, сплетённая с твоей душой. Хочешь почувствовать меня рядом, когда между нами моря или пустыни? Слушай инструкцию, Разведчик Запада!

Она коснулась жемчужины кончиком пальца, и крошечный огонёк в её сердцевине вспыхнул ярче:

– Первое: забудь отчёты, тревоги, шум мира. Дай улечься волнам в душе, как воде в лесном омуте после дождя. Без чистоты покоя – только шёпот, а не голос. Второе: призови Источник... Не мой – твой! Коснись жемчужины и представь, как солнечное тепло касается её лунного света. Не силу, а искру – как первое пламя костра. Третье: доверься Хранителям. Помни, вокруг нас всегда незримые Смотрители. Посланники Высших, следящие за нитями Порядка. Не ищи их глазами – отпусти намерение. Если твоя душа чиста, а цель – любовь, а не власть, они пропустят твой зов сквозь ткани миров, как ветер проносит семя через скалы.

В тот же миг Борен ощутил не физический контакт, а... присутствие. Тёплую волну, исходящую от жемчуга, и где-то далеко, в самой глубине сознания – отзвук её улыбки, как эхо в горном ущелье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.